

Прошло без малого десять лет с тех пор, как Чэн Янь и Чу Ван покинули столицу, прежде чем им пришла мысль ненадолго вернуться обратно. За эти годы они исколесили империю вдоль и поперек, и, разумеется, не упустили возможности отведать лучшие блюда в каждом уголке страны.

Два года назад старый император наконец отошел в мир иной. Путешественники в то время находились в северных степях и узнали об этом лишь спустя пару месяцев. Поговаривали, что в час кончины государя Третий принц пытался поднять мятеж и захватить трон, но за прошедшие годы он окончательно растерял влияние. У него не было ни верных войск, ни поддержки знати.

В итоге законный наследник усмирил бунтовщиков и успешно взошел на престол. Позже пришла весть, что мятежный принц покончил с собой.

Услышав об этом, Чэн Янь почувствовал, как с его души наконец упал тяжкий камень. Если бы развитие этого малого мира до сих пор не было исправлено им, и зачинщик смуты стал бы императором, летаргический покой им бы только снился.

Новый государь, едва воцарившись, объявил великую амнистию и освободил народ от налогов на три года. Для династии Чжоу началась эпоха процветания.

Последние два года пара провела в кочевых племенах Севера, которых жители Срединной равнины обычно старались избегать. У степняков оказалась на редкость самобытная кухня, и Чу Ван, к удивлению своего спутника, пристрастился и к крепкому вину, и к кумысу, и к жаренному на углях мясу. Юноша так натренировал свою выносливость к хмелю, что лекарь с сожалением признал: напоить его до беспамятства теперь стало почти невозможно.

Они жили в свое удовольствие, странствуя без забот и тревог. Когда деньги подходили к концу, мужчина вспоминал старое ремесло: лечил редкие недуги или продавал рецепты снадобий. Этого с лихвой хватало, чтобы ни в чем себе не отказывать.

И вот, когда все края были осмотрены, Чэн Янь внезапно спросил:

— Не хочешь навестить столицу?

Глаза Чу Вана радостно вспыхнули, но тут же подернулись тенью сомнения.

— А... нам можно? — неуверенно переспросил он.

Борьба за власть в императорском доме оставила в его душе слишком глубокий след. Ему не хотелось снова оказываться в центре чужих интриг. Любоваться горами и реками было куда

приятнее, чем томиться в тесных рамках столичных приличий.

Собеседник кивнул:

— Конечно. Нынешний император мудр и милостив к подданным. По пути мы только и слышали, как народ славит его правление. Такой государь не станет совершать глупостей.

Лицо юноши озарилось улыбкой:

— Вот и славно. Я так давно не видел дядю Яна... Интересно, как его здоровье?

Когда они уезжали, старый управляющий не смог последовать за ними из-за преклонных лет. Однако все эти годы Чэн Янь, посылая восточки в столицу, неизменно прилагал к ним укрепляющие снадобья для старика.

— Не беспокойся, — успокоил его мужчина. — Лао Ян — человек крепкий, уверен, он в добром здравии.

— И то верно, — воодушевился Чу Ван. — В прошлом письме он писал, что выкупил в столице еще один ресторан, и дела идут в гору. — Он вдруг подпрыгнул на месте: — Мы ведь даже не знаем, какова на вкус еда в наших заведениях! Нужно непременно всё попробовать!

Лекарь рассмеялся:

— Обязательно попробуем.

После их отъезда Лао Ян, видимо, заскучал в пустом поместье. Под его началом резиденция цзюньвана открыла несколько ресторанов, которые за эти годы стали весьма успешными.

В своих странствиях пара порой встречала талантливых поваров, оказавшихся в беде. Если мастерство человека было исключительным, они помогали ему и советовали ехать в столицу, под крыло поместья цзюньвана. Благодаря этому в их ресторанах можно было найти деликатесы со всех концов империи. Говорили даже, что местные мастера научились сочетать разные стили, создавая совершенно невообразимые новые блюда.

Самым знаменитым заведением стала Башня Взирания на Журавля — название ей когда-то дал сам Чу Ван. Теперь это имя гремело на всю столицу.

Они ехали по главному тракту и добрались до места меньше чем за полмесяца. В степях юноша наконец научился держаться в седле, но все равно предпочитал ехать на одной лошади с Чэн Янем — даже во время долгих переходов.

Столица встретила их привычным шумом и суетой. За десять лет многие здания сменили облик, и лишь величественные стены дворца в самом сердце города стояли незыблемо, невзирая на ветра и бури.

Чу Ван велел слуге-книжнику отогнать повозку в поместье. Привыкшие к кочевой жизни, они совсем не чувствовали усталости и напрямиком направились к ресторану.

Точного адреса они не знали, но стоило спросить любого прохожего, как им тут же указали дорогу к столь известному месту.

Словоохотливый горожанин добавил:

— Видать, вы только прибыли в город! Вам повезло: сегодня в Башне Взирания на Журавля как раз проходит поэтическое состязание. Собрались лучшие таланты нашего времени!

Первой мыслью юноши было:

— А? Тогда нужно спешить, а то мест не останется и мы не пообедаем!

Прохожий:

— ...

Чэн Янь тоже считал обед делом первостепенной важности. Впрочем, он полагал, что для истинных владельцев заведения столик как-нибудь найдется.

Среди работников было немало бывших слуг из поместья. Поскольку цзюньван отсутствовал, Лао Ян перевел их сюда, чтобы люди не сидели без дела.

Чэн Янь и его спутник заранее уведомили о своем возвращении, так что слуги, завидев хозяев, обрадовались, хотя и не выказали излишнего удивления. Их тут же проводили на второй этаж, к лучшему столу у окна.

— Цзюньван... Супруга цзюньвана, — слуга запнулся на непривычном обращении, — этот стол оставлен специально по распоряжению приказчика. На него не принимают заказов. Прошу вас, присаживайтесь.

За эти годы Чу Ван утратил детскую припухлость лица, став изящным и статным мужчиной. Его спутник же, напротив, возмужал и окреп. Если цзюньвана солнце словно обходило стороной, то Чэн Янь заметно загорел, и на его фоне супруг казался совсем хрупким.

Услышав неловкое «Супруга цзюньвана», мужчина не сдержал смеха.

— Подай господину цзюньвану лучшие блюда, — весело распорядился он. — И поскорее. Мы с дороги и сегодня еще маковой росинки во рту не держали.

— Будет исполнено! Сию минуту! — засуетился слуга.

Вид из окна открывался чудесный: внизу бурлил людской поток, а вдали виднелась лента крепостного рва. Пока еду не принесли, юноша с любопытством озирался вокруг. Императоры сменяли друг друга, но дух процветания столицы оставался неизменным.

Чэн Янь обратил внимание на толпу в центре зала — там собрались молодые люди в одеждах ученых книжников. Видимо, то самое состязание, о котором говорил прохожий.

Когда слуга начал расставлять тарелки, лекарь полюбопытствовал:

— Почему сегодня здесь так много ученых мужей?

Слуга, ловко управляясь с подносом, ответил:

— Лекарь Чэн, вы, должно быть, не знаете, но теперь наша Башня — излюбленное место для встреч всех поэтов и каллиграфов города.

Мужчина вскинул бровь:

— Вот как? И с чего бы это?

— А вы слышали о Молодом господине Белом Журавле? — спросил слуга.

Чэн Янь не ответил сразу. Он покосился на Чу Вана и лишь затем кивнул:

— Слышал. И что с ним?

— Стихи Белого Журавля начали ходить по рукам лишь несколько лет назад, — с жаром принялся объяснять слуга. — Говорят, его каллиграфия совершенно уникальна, а слог живой и прекрасный. В столице за его рукописями идет настоящая охота. Сам он, говорят, странствует по свету, так что раздобыть его подлинник — великая удача. Каждый книжник мечтает иметь его работу в своей коллекции.

Юноша приоткрыл рот от удивления:

— Я... я и не знал об этом.

Слуга продолжал:

— Поговаривают, вывеску для нашего заведения начертал сам Молодой господин Белый Журавль по личной просьбе управляющего. Вот почему поэты так любят собираться здесь. А сегодня поводом стало то, что кто-то раздобыл цикл кочевых стихов, которые мастер написал совсем недавно. В них нет былой нежности, они полны мощи и духа свободы. Люди говорят, что после прочтения у них ноги сами просятся в путь, к северным границам. Даже те, кто раньше недолюбливал его за излишнее изящество, теперь в полном восторге.

Работник, хоть и был малограмотен, нахватался умных слов от постоянных гостей и теперь рассуждал как заправский ценитель.

Лекарь восхищенно протянул:

— Видимо, новые труды господина Белого Журавля и впрямь выдающиеся!

Чу Ван, сгорая от смущения, потянул его за рукав.

— Еще бы! — кивнул слуга. — Знаете, многие молодые господа из богатых семей, начитавшись этих стихов, уже пакуют вещи, чтобы ехать в степи.

— Мы как раз оттуда, — улыбнулся Чэн Янь. — Раз стихи так вдохновляют людей, значит, автору удалось передать самую душу тех мест.

Юноша не выдержал и стукнул по столу:

— Мы обедать будем или нет?

Слуга, заметив недовольство цзюньвана, тут же испарился.

«Видать, наш господин тот еще ревнивец, — подумал он. — Стоило лекарю похвалить другого, как он сразу вскипел»

Мужчина придвинулся ближе к своему спутнику и прошептал:

— Что такое? Неловко стало?

Чу Ван сердито взглянул на него и, подцепив палочками кусочек рыбы, сунул его Чэн Яню в рот.

— Ешь молча, — буркнул он.

Тот проглотил угощение, но униматься не собирался:

— А я считаю, что Молодой господин Белый Журавль пишет превосходно. Давай после обеда взглянем на это состязание!

У юноши покраснели кончики ушей, и он сунул в рот Чэн Яню еще один кусок мяса.

Работники, проходившие мимо, перешептывались:

— Господин цзюньван и лекарь Чэн любят друг друга всё так же крепко. Смотрите, какая идиллия.

Мужчина довольно шурился, а Чу Ван, осознав, как они выглядят со стороны, уткнулся в свою тарелку.

Поняв, что немного перегнул с шутками, Чэн Янь сам принялся ухаживать за супругом, подкладывая ему лучшие кусочки и ласково нашептывая утешения.

Юноша наконец смягчился:

— Больше не поддразнивай меня.

— Хорошо-хорошо, обещаю.

В этот момент в центре зала, где собрались поэты, раздались громкие споры. Голоса становились всё резче, атмосфера накалялась — книжники явно о чем-то не сошлись во мнениях.

Лекарь, разобравшись, в чем дело, поначалу не придавал этому значения. Подумаешь, ученые мужи спорят — дальше слов дело у них редко заходит.

— Этот цикл заслуживает высочайшей похвалы! Как можно утверждать обратное?! — кричал один.

— Сила Белого Журавля в лирике, а эти кочевые вирши — вещь посредственная! — возражал другой.

— Позвольте не согласиться! — вступил третий. — Лучше всего ему удаются стихи о еде!

— Истинно так!

Чэн Янь не выдержал и расхохотался.

Чу Ван метнул на него уничтожающий взгляд:

— Над чем ты смеешься?!

Мужчина мгновенно сделал серьезное лицо и замотал головой:

— Ни над чем! Совершенно ни над чем!

Юноша пробормотал под нос:

— Вкусные вещи заслуживают того, чтобы их описывали со всем тщанием...

Тем временем спорщики зашли в тупик. Внезапно кто-то предложил:

— А давайте попросим кого-нибудь из гостей рассудить нас!

Идея пришлась всем по вкусу:

— Согласны! Отличная мысль!

Пара уже почти закончила трапезу. Хотя одеты они были скромно, их благородная выправка невольно приковывала взоры. К тому же завсегдатаи знали, как трудно занять столик у окна. Орава молодых книжников, шумя и перебивая друг друга, направилась напрямик к ним.

Никто из них не узнал в юноше цзюньвана. Объяснив суть спора, они протянули ему лист со стихами.

Чэн Янь мельком взглянул на бумагу — почерк был чужой, явно переписанный кем-то другим. Он тут же передал лист своему спутнику:

— Я человек простой, в изящной словесности смыслю мало. Пусть лучше мой спутник взглянет.

Тот самый слуга, что подавал им еду, услышав слова лекаря, немало удивился: с чего бы господину так приbedняться?

Чу Ван укоризненно взглянул на Чэн Яня, помедлил, но все же взял лист.

— Господин цзюньван!

Внезапно из толпы книжников раздался голос. К столу вышел человек, лицо которого казалось им знакомым, но в то же время каким-то чужим.

— Дай... Чигуань? — неуверенно произнес юноша.

Это и впрямь был он, но от бывшего блеска и спеси не осталось и следа. Собеседник заметно постарел, лицо избородили морщины, а во взгляде сквозила горечь.

Видимо, после падения Третьего принца дела у Дай Чигуаня шли из рук вон плохо, раз теперь он проводил время в компании недоучившихся студентов. Впрочем, молодежь, похоже, уважала его, величая господином Даем. Кто-то из студентов ахнул:

— Неужто это... тот самый господин цзюньван, что покинул столицу десять лет назад?

Чу Ван не стал чиниться и просто кивнул:

— Это я.

Дай Чигуань с нескрываемым раздражением посмотрел на Чэн Яня:

— Чэн Янь, что ты себе позволяешь? Ты же знаешь, что господин цзюньван... был дурачком и неграмотен. Зачем ты подсовываешь ему стихи? Хочешь в очередной раз выставить его на посмешище?

В народе поговаривали, что цзюньван умом подобен ребенку, но вслух гадостей говорить никто не смел. За десять лет его отсутствия многие и вовсе забыли о его недуге.

Лекарь, чье настроение до этого было вполне миролюбивым, почувствовал укол гнева.

— Дай Чигуань! Прикуси язык и не смей порочить имя цзюньвана!

Чу Ван тоже возмутился:

— Это с каких пор я неграмотным стал?

Господин Дай осекся, глядя на юношу.

— Простите, — сухо бросил он. — Верните рукопись, не станем мешать вашему обеду.

Тот и сам хотел было отвязаться от назойливых гостей, но после этих слов в нем выиграла гордость. Он крепко сжал бумагу в руке:

— Ну нет, теперь я непременно выскажу свое мнение.

Книжники переглянулись. Один из самых смелых спросил:

— Цзюньван, может, мне прочесть их для вас вслух?

Цзюньван сверкнул глазами:

— Не нужно!

Чэн Янь пригубил чай, пряча улыбку. Если бы не лишние свидетели, он бы непременно сказал своему маленькому цзюньвану, как тот хорош, когда вот так, по-настоящему, злится.

Старый знакомый, напротив, хмурился, решив, что лекарь просто ждет момента, когда его спутник опозорится.

Юноша принялся читать. Пробежав глазами по строкам, он вынес вердикт:

— Стихи слабые.

— Что значит — слабые?! Вы же едва взглянули! — вскинулся один из поклонников Белого Журавля, позабыв о титуле собеседника.

Но Чу Ван остался спокоен:

— Автор слишком увлекся формой и правилами стихосложения. В нескольких местах образы кажутся надуманными и притянутыми за уши.

Дай Чигуань замер. Он не ожидал услышать столь здравых суждений. Юноша казался ему теперь совершенно незнакомым — в нем не осталось и следа от того наивного дурачка, которого он помнил.

Упрямый студент не сдавался:

— Почему это образы надуманные? По-моему, Белому Журавлю удалось передать самую суть

степных просторов.

Чу Ван покачал головой:

— Степи вовсе не такие пасторальные, как здесь описано. Это лишь первое стихотворение цикла, написанное, очевидно, под влиянием первых восторгов от увиденного. Но в степях земля не везде плодородна, а кочевники не едят мясо на завтрак, обед и ужин. Их жизнь на конских спинах — это тяжкий труд. Зимой там царит лютый холод, а в мирные дни досаждают набеги разбойников.

Юноша поднял взгляд на притихшую толпу:

— Если кто-то и впрямь воодушевился этими строками, пусть прочтет последние стихи цикла. Жизнь в зимней пустыне — испытание не для слабых.

Он говорил так уверенно, что спорщики притихли. Кто-то из толпы изумленно воскликнул:

— Неужто господин цзюньван сам бывал в тех краях?

— Бывал, — подтвердил юноша. — Впрочем, вино у кочевников отменное. Если человек не боится трудностей и привык к лишениям, путешествие в степи пойдет ему на пользу.

Взгляды присутствующих невольно обратились к его белокожему лицу. Трудно было представить человека, менее подходящего под описание привыкшего к лишениям. Один из книжников спросил:

— В этом цикле нам удалось собрать лишь семь стихов, хотя говорят, что их не меньше десяти. Ванъе видел их все?

— Их ровно двенадцать, — ответил Чу Ван.

В глазах студентов вспыхнул фанатичный блеск:

— Ах, как бы хотелось увидеть весь цикл целиком!

Кто-то внезапно осенило:

— Раз господин цзюньван видел весь цикл, значит, он встречал самого Белого Журавля в степях!

Толпа взорвалась вопросами. Десятки горящих глаз уставились на юношу. Тот невольно

поежился и ищуще взглянул на Чэн Яня.

Под столом мужчина крепко сжал его руку. И страх мгновенно отступил.

Чу Ван выпрямился и спокойно произнес:

— Вообще-то... Молодой господин Белый Журавль — это я.

На мгновение в зале воцарилась гробовая тишина. Первым безмолвие нарушил Дай Чигуань, чей голос дрожал от недоверия:

— Невозможно! Что за нелепые шутки?

— Я никогда не шучу такими вещами.

— Но вы же... Ванъе, вы ведь раньше были неграмотны и книг не открывали! Как такое возможно?!

Книжники переглядывались. Наконец кто-то предложил:

— Всем известно, что почерк Белого Журавля неподражаем. В нем есть особая сила и полет. Если господин цзюньван напишет пару строк, все сомнения отпадут сами собой.

Чу Ван кивнул:

— Извольте.

Слуги мгновенно расчистили стол и расстелили лист рисовой бумаги. Работники ресторана знали, что их хозяин за эти годы стал мудр и образован, поэтому суетились с особой гордостью. Чэн Янь нахмурился:

— К чему такой огромный лист?

Слуга радостно пояснил:

— Раз уж господин цзюньван когда-то дал имя нашей Башне, будет справедливо, если он оставит здесь и свое стихотворение. Мы вставим его в раму и повесим на самом видном месте!

Чэн Янь лишь хмыкнул про себя.

«Ну и проныра, всё в дело пустил»

Юноша взял кисть. Помедлив мгновение, он начал писать. Стоило первому иероглифу появиться на бумаге, как в толпе раздались восхищенные вздохи. Чэн Янь когда-то сам учил его каллиграфии. Привыкший быстро писать рецепты, лекарь обладал летящим, стремительным почерком. Чу Ван перенял эту свободу, добавив к ней собственное изящество и твердость духа.

Одного взгляда было достаточно — перед ними стоял истинный мастер. Подражателей у Белого Журавля было много, но никто не мог повторить эту живую энергию штриха. Юноша писал быстро, на одном дыхании. Когда он отложил кисть, в зале воцарилась благоговейная тишина.

— Потрясающе! — выдохнул кто-то. — Эти строки достойны того, чтобы их заучивал каждый книжник империи!

Чу Ван обернулся к Чэн Яню. Тот взял его за руку и тихо спросил:

— Уйдем?

Юноша с облегчением кивнул. Теперь, когда правда открылась, никто не смел преграждать путь принцу крови и великому поэту.

Дай Чигуань стоял бледный как полотно. Рядом кто-то негромко шепнул:

— Похоже, господин Дай был не так уж близок с цзюньваном, раз даже не знал, что тот умеет писать.

Разоблачение тайны Белого Журавля наделало в столице немало шума. Многие знали о возвращении Чу Вана, но, считая его бесполезным, не спешили с визитами. Теперь же двери поместья осаждали толпы желающих засвидетельствовать почтение.

Ценители тут же принялись строить догадки. То, что поэт выбрал себе имя Белый Журавль, теперь казалось логичным — многие вспомнили историю о потерянной нефритовой подвеске.

Впрочем, мало кому довелось увидеть Чу Вана лично. Насладившись столичными яствами, он и Чэн Янь снова покинули город.

Старый управляющий, уезжавший за город за свежими продуктами, разминулся с ними. Вернувшись, он сокрушался и расспрашивал слуг:

— Неужто господин цзюньван и лекарь Чэн ничего не передали перед отъездом?

— Как же, — ответил слуга. — Лекарь Чэн велел передать: раз рестораны процветают, пора открывать книжную лавку.

Лао Ян озадаченно поскреб затылок:

— Книжную лавку? Разве у нас есть редкие манускрипты?

Слуга покачал головой:

— Нет. Но господин цзюньван перед отъездом оставил целый ворох новых стихов и велел переписать их в сборники. А лекарь Чэн добавил... — слуга замялся, пряча улыбку, — что раз стихи цзюньвана пользуются таким спросом, то грех давать наживаться другим. Будем продавать их сами.

Старый управляющий:

— ...

<http://bllate.org/book/15870/1439759>